

ОЧЕРК ЭТНОГРАФИИ САРМАТОВ

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2009 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о происхождении сарматов; на основе анализа античной литературной традиции и данных современной археологии описывается их этнический облик и хозяйственно-культурный тип, реконструируются их контакты с оседлым населением, раскрывается культурное наследие сарматов и ранних алан.

Ключевые слова: сарматы, аланы, кочевники, степь, этнография, курганы

Abstract: in this article its author considers the origin of the Sarmatians, describes their ethnic outlook and economical and cultural type on the basis of ancient literary tradition and the data of modern archaeology, reconstructs their contacts with settled population, discovers cultural heritage of the Sarmatians and early Alans.

Key words: Sarmatians, Alans, nomads, steppe, ethnography, barrows.

Одним из древнейших народов нашей страны, имя которого уже более двух тысячелетий хранит история, были сарматы. После завоевания Скифии в глазах греков и римлян сарматы стали самым могущественным народом северо-восточной части античной ойкумены. Более полутысячелетия этот степной этнос играл ведущую роль не только в военно-политической, но и культурной жизни Юга Восточной Европы. Поэтому не случайно выделен сарматский период в истории этого обширного региона (II в. до н.э. — IV в. н.э.).

Современные научные представления о сарматах связаны со степью, где сосредоточена основная масса оставленных ими памятников, прежде всего курганов [1, с. 29]. И это вполне понятно — по господствующему хозяйственно-культурному типу они были подвижным кочевым народом, занимавшим степи от Южного Урала до среднего течения Дуная. Однако в последнее время сарматские курганы были открыты и в лесостепи: в Башкирии, Подонье, Поднепровье и Поднестровье. Сейчас появляется все больше данных, свидетельствующих о длительном пребывании сарматов в различных районах лесостепи, об их устойчивых и разнообразных контактах с автохтонными оседлыми племенами, о прочном вхождении оседлого и полуоседлого лесостепного населения в древнюю Сарматия [2, с. 7].

Сарматы, а чуть позже их младшие современники аланы, не имели своей письменности и поэ-

тому не оставили нам подробных исторических хроник. Однако они принимали участие во многих событиях древней истории и по этой причине рано привлекли пристальное внимание греческих и римских авторов. К сожалению, ни один античный историк не оставил нам сколь-нибудь подробного и тем более связного изложения истории сарматов, они записывали лишь сведения об отдельных исторических событиях, в которых принимал участие этот народ. Греков и римлян также интересовали экзотические черты сарматов, вызывавшие удивление их цивилизованных современников. Данные современной археологии дают возможность воссоздать некоторые обычаи и особенности культуры сарматов, не попавшие в поле зрения греческих и римских авторов.

Впервые имя сарматов, а точнее, их возможных предков или предшественников *савроматов* (греч. Σαυρομάται), встречается в священной книге иранцев-зороастрийцев «Авесте». Ее древнейшая часть «Гаты» знает страну «Сайрима», лежащую где-то далеко на западе от Хорезма. Другой гимн «Авесты» воспевае «мужей праведных сайрима» и «жен праведных сайрима» (Yašt XIII. 43; XXI, 52). Их давно отождествляют с кочевниками, живущими «в стране на берегах вод Рангхи, которые не знают власти верховных правителей» (Vīdēvdāt I: XX. 76—78). Авестийская река Рангха — это река Ра античных авторов — современная Волга, поэтому в народе *сайрима* ученые не без основания усматривают савроматов греческих авторов. В VI—IV вв.

до н.э. они кочевали в степях между Доном (Танаисом) и Волгой (Ра) и были восточными соседями скифов. Их разделяла лишь р. Танаис-Дон (Herod.: IV. 21).

Позже некоторые античные авторы (Эвдокс, Псевдо-Скилак) помещали в правобережье Нижнего Дона народ *сирматов* (греч. Συρμάται / лат. Sarmatae), в названии которых видят искаженное при передаче имя будущих сарматов. Любопытно, что они впервые упоминаются в источниках IV в. до н.э., т.е. тогда, когда те же авторы восточнее знают лишь прежних савроматов. Наконец, в начале III в. до н.э. в сочинении «О водах» (fr. 172) греческого ученого Теофраста впервые вполне определенно появляется название страны «Сарматия», заменившее более раннюю «Скифию».

Несколько слов следует сказать об этногенезе сарматов. Они жили в римскую эпоху, а как известно, практичных римлян, в отличие от любознательных эллинов, вопросы происхождения варваров особо не интересовали. Лишь римский энциклопедист Плиний Старший нашел в трудах своих предшественников любопытное свидетельство о сарматах, которые якобы происходят от древних мидян — Medorum suboles (NH: VI, 19). Возможно, в этом пассаже отразилась языковая близость сарматов и мидийцев — и те и другие говорили на иранских языках. Сейчас проблема происхождения сарматов разрабатывается преимущественно на основе изучения археологических источников. До недавнего времени в нашей науке господствовала автохтонная теория сарматского этногенеза, сформулированная в 30—50-х гг. XX в. П. Рау, Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым. По их представлениям, сарматы эллинистической и римской эпох были прямыми потомками савроматов, описанных еще Геродотом. В пользу этого, казалось бы, свидетельствовал лингвистический материал — греческие авторы римской эпохи постоянно называли сарматов старым именем савроматов, к тому же они появились на тех же землях, что и савроматы, но гораздо позже. Однако археологические исследования савроматской и сарматской культур показали их весьма существенное различие и вынудили исследователей вновь обратиться к старой идее М. И. Ростовцева, считавшего савроматов Геродота и более поздних сарматов двумя разными народами [3, с. 33—34]. Сейчас, скорее, следует говорить о новой сарматской волне, наложившейся на остатки уцелевших потомков савроматов, составивших сарматский субстрат.

По данным археологии, предки сарматов изначально обитали гораздо восточнее савроматов Ге-

родота, в степях Приуралья. Именно здесь в IV — начале III в. до н.э. наблюдаются важные изменения в культуре ранних кочевников, в результате которых сформировалась прохоровская или ранне-сарматская археологическая культура. С рубежа IV—III вв. она распространяется на запад, сначала в Степное Заволжье, а позднее и в Волго-Донское междуречье [4]. В последнее время в раннесарматских памятниках археологи обнаружили ряд еще более восточных черт, указывающих на возможность миграции в волго-донские степи племен — выходцев из Центральной Азии. Именно они принесли в формирующийся сарматский мир такие характерные элементы раннесарматской культуры, как мечи с кольцевидным навершием, бронзовые зеркала с валиком по краю и массивным выступом в центре, новые типы пряжек, ранее известные только в Восточной Азии у кочевого народа хунну (гуннов), северную ориентировку погребенных, и др. [5, с. 13—15].

Не исключено, что именно эти выходцы из глубин Азии в составе мигрирующих сарматов принесли с собой не только новую материальную культуру, но и новые этнонимы. Плиний Старший почему-то упоминает уже известный нам этноним «сирматы»... в Средней Азии (NH: VI. 16, 40). У греческого географа Страбона в списке сарматских народов, обитавших в Азии, к северу от Кавказа и Прикаспия, едва ли не первыми упоминаются *аорсы* (Strabo: XI. 2, 1). При этом он называет их «*изгнанниками племен, живших выше*». Имя аорсов (авест. auruša = осет. ors) этимологически прозрачно — основное значение «светлые», «белые» [6, с. 282]. Интересно, что практически тот же этноним встречается на далекой восточной окраине великого степного коридора Евразии — в тохарских текстах из Карашара в Восточном Туркестане открыт этноним ārsī — по тохарски также означающий буквально «*белые*» [7, с. 288]. Вполне определенные восточные корни обнаруживает и имя одного из сарматских племен — «*асеи*» (греч. Ἀσαιοί — ср.: средневековое русское название осетин «ясы»), локализованных Клавдием Птолемеем в Азиатской Сарматии (V. 8, 16). Их предками вполне могли быть те самые *асианы*, которые вместе с другими кочевыми племенами разгромили в 30-х гг. II в. до н.э. среднеазиатскую Бактрию (Strabo: XI. VIII, 2; Trog., Prol.: XLI; XLII).

В III—II вв. до н.э. кочевники-сарматы — носители раннесарматского археологического комплекса, видимо, в силу ряда причин (относительное перенаселение в их родных степях и неблагопри-

ятные климатические перемены — усыхание степей) расселяются не только на юг, вплоть до оазисов Средней Азии и гор Кавказа, но и далеко на запад, вплоть до Днепра. Возможно, следы последней миграции нашли отражение в «Естественной истории» Плиния Старшего, где он перечисляет двенадцать племен, которые когда-то перешли реку Танаис (VI. 22). Это событие ознаменовало начало сарматской эпохи на Юге Восточной Европы. Со II в. до н.э. сарматы превращаются в мощную политическую силу, свыше полутысячелетия доминировавшую в южнорусских степях.

О том, как это могло произойти, позднее рассказал греческий историк I в. до н.э. Диодор Сицилийский. В своей «Исторической библиотеке» он оставил краткое, но предельно емкое описание переломного события в истории Северного Причерноморья, вызванного вторжением савроматов (сарматов): «Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (II. 43, 7). Правда, Диодор никак не датировал это событие, подчеркнув только сам факт завоевания Скифии савроматами. Однако стремительное исчезновение с исторической арены в самом начале III в. н.э. Скифии и памятников яркой скифской культуры как раз в момент ее наивысшего расцвета, наконец, страшные археологические свидетельства разорения городищ и поселений по всей скифской периферии, в том числе Семилукского городища на Верхнем Дону, скорее всего, являлись следствиями того самого события, которое так ярко описал Диодор Сицилийский [2, с. 17—18]. Эти факты, так или иначе, отражали процесс смены одного кочевого населения другим — на смену скифским владыкам степей пришли сарматы, а Скифия с начала III в. до н.э. стала называться Сарматией.

Современному звучанию древнего этнонима «сарматы» мы обязаны, прежде всего, римским авторам. Причем изначально он, скорее всего, относился к отдельному народу, на что прямо указывают свидетельства греческих писателей эпохи эллинизма, например, «европейские сарматы» царя Гатала у Полибия (Hist. XXV. 2, 12). Однако к рубежу эр имя сарматов стало уже собирательным, превратившись в макроэтноним, подобный более раннему имени скифов. Поэтому римский энциклопедист Плиний Старший в I в. отмечал, что «имя скифов повсюду переходит в имена сарматов...» (NH: IV. 81). Он же делает в отношении сарматов

одно весьма интересное замечание: «сами же они разделяются на многие племена». Практически ту же мысль мы находим в сочинении его современника — римского географа Помпония Мелы. Из всех древних авторов именно он дал наиболее яркую характеристику сарматам: «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевоза свое имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги, племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войне наравне с мужчинами...» (De chorogr.: III. 3, 34). В сочинениях греческих и римских писателей первых веков нашей эры название «сарматы» обычно употреблялось для обозначения разных кочевых племен Восточной Европы: роксоланов, сираков, язигов, аорсов, алан и др.

Уже «отец истории» Геродот обратил внимание на родство сарматов со скифами и на близость их языка. Он писал: «Языком савроматы пользуются скифским, но говорят на нем издавна с ошибками» (IV. 117). Изучив имена сарматов, сохранившиеся в античных литературных произведениях и надписях из греческих городов Северного Причерноморья, лингвисты установили, что их язык относился к северо-восточной ветви иранской группы языков [6, с. 274]. По отношению к скифскому он рассматривался как диалект, сейчас они понимаются рядом исследователей как два разных языка одной иранской группы [8, с. 58]. По многим показателям речь сарматов была наиболее близка языку осетин. Все они были людьми европеоидной расы. Лишь отдельные сарматские погребения дали антропологический материал, указывающий на некоторую восточную монголоидную примесь.

Судя по имеющимся свидетельствам и изображениям, сарматы стригли волосы короче, нежели скифы, и брили бороду, хотя иногда носили усы. Об этом прямо говорит позднеантичный автор Лукиан, обративший внимание на то, что аланы не носят таких длинных волос, как скифы (Tox.: 51). В целом одежда сарматов была близка скифской. Она состояла из короткой, подпоясанной ремнем кожаной куртки и штанов, заправленных в невысокие мягкие сапоги-скифики. Но, в отличие от скифов, сарматы обычно носили за спиной короткие плащи, заколотые на плече специальной застежкой-фибулой. Мужской костюм дополняли самые необходимые кочевнику вещи, которые висели на поясе сармата: точильный брусок, кремень

с кресалом в кожаном или холщовом мешочке, железный нож, а также железный кинжал или меч в ножнах. Непременным спутником кочевника-сармата был лук, который вместе со стрелами хранился в специальном футляре (горите).

Свидетельства античных авторов и данные археологии позволяют сейчас весьма детально воссоздать образ жизни и культуру сарматов. Они населяли бескрайние степные равнины, а местами и лесостепи Восточной Европы от Урала до Среднего Дуная. Безусловно, их основным занятием было кочевое скотоводство, причем выпасом и перегоном скота занимались исключительно мужчины, в то время как женщины вели домашнее хозяйство. Как и у других степных кочевников, стада сарматов состояли преимущественно из мелкого рогатого скота, прежде всего овец (до 90 %), которые, по свидетельству Страбона, отличались крупными размерами (VII. 17, 3). Крупный рогатый скот был представлен небольшим числом голов, причем, по словам того же географа, коровы у сарматов или рождались безрогими (комолыми) или им специально спиливали рога. Сарматы разводили также лошадей для получения кобыльего молока и мяса (видимо, далеко не случайно александрийский географ Клавдий Птолемей сохранил весьма экзотическое название одного из самых отдаленных племен Сарматии — «сарматы-конееды») (Geogr.: V. 8, 16), хотя в первую очередь кони, конечно же, использовались для верховой езды.

О роли коня в жизни сарматов следует рассказать особо. Римский историк Тацит отнес сарматов к народам, «проводящим всю жизнь в повозке и на коне» (Germ.: 46). Весьма показательны, что одно из сарматских племен Тамани две тысячи лет назад носило «говорящий» этноним «аспургиане» — буквально «имеющие мощных коней». Дионисий Периегет также, видимо, далеко не случайно назвал алан «многоконным» племенем (Perieg.: ст. 308). Подобные характеристики сарматских и аланских племен хорошо согласуются с данными археологии. В погребениях кочевников сарматской эпохи помимо оружия часто встречаются различные детали снаряжения верхового коня — железные удила, псалии, украшения уздечки. Широкое использование лошадей для верховой езды не только позволялономадам совершать со стадами далекие сезонные перекочевки, но и явилось одной из объективных предпосылок военного превосходства сарматов над соседним оседло-земледельческим населением.

Конь был не просто средством передвижения, а настоящим боевым соратником воина-сармата.

Историк Тацит донес до нас впечатление римлян от степной сарматской конницы всего лишь одной фразой — «вся доблесть сарматов лежит как бы вне их самих», т.е. в их конях (Hist.: I. 79, 1). По свидетельству Аммиана Марцеллина, у алан «молодежь с раннего детства, сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (Hist.: XXXI. 2, 20). Отношение к коню как к другу, к особой ценности отразилось в сарматской ономастике — многие знатные сарматы носили сложносоставные имена с иранской основой «аспа» — «конь».

По сообщению Страбона (VII. 17, 3), лошади сарматов были малорослы, но весьма ретивы. Это вполне объяснимо — полудикие табуны целый год находились в степи на подножном корме. У этих лошадей было одно замечательное качество — исключительная выносливость. Плиний Старший писал: «Сарматы, собираясь в долгий путь, накануне не кормят лошадей, а дают им лишь немного попить, и таким образом они, сидя верхом, продвигаются непрерывно на расстояние сто пятьдесят миль» (NH.: VIII. 162). Отправляясь в далекий поход, степняки всегда имели заводных коней. «Сарматы проезжают обширнейшие пространства, преследуя других или сами, обратив тыл; сидя на проворных и покорных конях, они ведут по одному, а иногда и по два коня, чтобы, меняя упряжных, сохранить им силы, а их бодрость поочередно восстановить отдыхом» (Amm. Marc. Hist.: XVII. 12, 2). По свидетельству источников, это позволяло сармату проходить в сутки до 200 км.

Сарматские кони являлись прекрасными скакунами и использовались как на скачках, так и на войне. Судя по упоминанию римским поэтом Марциаллом в одной из эпиграмм сарматского коня по кличке «Алан», эта порода не была редкостью и на улицах Рима. До наших дней сохранилась мраморная стела (CIL. XII. 1122) с латинской стихотворной эпитафией из Галлии, содержащей посвящение любимому скакуну римского императора Адриана, судя по кличке «Борисфен Алан», скорее всего, привезенному из причерноморских степей [9, с. 120].

Хозяйственно-культурный тип сарматов нельзя представить без периодических сезонных перекочевков: весной и летом многочисленные сарматские роды вместе со своими большими стадами медленно передвигались вверх по течению рек в поисках хорошей травы и водопоев. На ночь они раскидывали свои шатры. Изображение такого четырех-

угольного в плане шатра сохранилось на фреске из склепа Антестерия в Пантикапее. Зимой кочевники спускались на юг, в низовья тех же рек, богатые камышом и другой растительностью. Здесь располагались их зимники. А с наступлением весны все повторялось вновь.

Яркую характеристику повседневного быта кочевников сарматской эпохи дал Страбон: «Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (VII. 3, 17).

Этот удивительный с точки зрения греков и римлян образ жизни сарматов-кочевников послужил основанием для их прозвища «гамаксобии» — по-гречески буквально «живущие на повозках». Именно так объясняет происхождение этого античного этнонима географ Помпоний Мела: «они называются гамаксобиями, потому что вместо жилищ имеют повозки» (II. 1, 2). Правда, Плиний Старший уточняет, что гамаксобии — обозначение не всех сарматов, а название одного из сарматских племен — аорсов. Кибитка, влекомая быками, стала непременным атрибутом свободного кочевника. Как выглядели эти древние повозки, мы хорошо знаем по глиняным игрушкам, неоднократно находимым археологами на Боспоре. У них были сплошные деревянные колеса. В сарматских же погребениях археологи изредка находят остатки более легких повозок-колесниц. Их высокие колеса имели по 12—14 спиц. Весьма показательно, что большинство повозок найдено в женских захоронениях.

Далеко не все женщины укрывались в повозках. Начиная с «отца истории» Геродота античная литература пестрит свидетельствами о воинственных савроматских женщинах-амазонках, которые обитали за р. Танаис-Дон. Отзвуки этих древних представлений долгое время сохранялись в одном из мифов о р. Танаис, пересказанном Плутархом. Согласно ему, эллины изначально называли эту реку Амазонской. «И с того времени жены сарматов придерживаются древнего обычая жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями, и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья» (Herod.: IV. 116). «Отцу истории» вторит его младший современник Гиппократ (De aeg.: 24). Любопытно, что эти древние свидетельства находят яркое подтверждение в данных археологии. В доно-волжских степях нередко встре-

чаются курганы, содержащие основные погребения, принадлежащие женщинам-воительницам (до 20 %). Часто они сопровождаются полным набором вооружения, видимо, отражающим старую амазонскую традицию. Поэтому у археологов нет сомнений, что за рассказами Геродота и Гиппократа скрывается некая реальность — савроматки действительно принимали самое активное участие в войне. Оружие встречается в женских сарматских погребениях и позже, во II—I вв. до н.э. К этому времени, видимо, относится свидетельство Полиена о воинственной сарматской царице Амаге, напавшей с конным отрядом сарматов на царскую ставку и разгромившей царя крымских скифов (Strat.: VIII. 56). По данным античной традиции и археологии положение женщины в сарматском обществе было более высоким, нежели у скифов.

Позже, с рубежа н.э., у сарматов оружие встречается почти исключительно в мужских захоронениях. С этого времени наблюдается разительное отличие женского и мужского костюмов. Одежда сарматок представляла собой длинную рубаху с прямым разрезом ворота, который часто застегивался бронзовой застежкой-фибулой. О ее покрое дает представление изображение сарматки на золотой обкладке зеркала из Майеровского кургана в Поволжье [10, Abb. 19]. Часто верхняя женская одежда была расшита бусами и бисером по краям ворота и рукавов. Голову знатной сарматки украшала диадема — повязка из кожи или ткани, расшитая фигурными золотыми аппликациями с изображениями животных и птиц [11]. Как и мужчины, сарматские женщины носили шаровары. Женские погребения отличаются обилием самых разнообразных украшений, прежде всего ожерелий из разноцветных бус, оригинальных амулетов, глиняных пряслиц и других предметов, без которых не могла обойтись дама той поры. Для них было почти обязательным наличие бронзовых зеркал. В женских погребениях встречается значительно больше глиняных сосудов. Судя по сопровождающему инвентарю, большинство сарматок были заняты приготовлением пищи, прядением, ткачеством, шитьем, воспитанием детей. Но это не значит, что к тому времени воинственные амазонки навсегда канули в Лету. По свидетельству римского писателя Помпония Мелы, сарматские девочки-подростки были «обязаны упражняться в стрельбе из луков, верховой езде и охоте» (III. 3, 35). Позднеантичный автор Флавий Вописк сообщает о надписи в честь триумфа римского императора Аврелиана (70-е гг. III в.), приказавшего

провести по Риму «также десять женщин, которых он взял в плен, когда они в мужском убранстве сражались среди готов, причем многие другие были перебиты» (Div. Aug.: II. 157, 34). При этом надпись гласила, что они происходили из рода амазонок.

Весьма примечательно, что савроматки, а позже, видимо, и некоторые сарматки, были не только воительницами, но и жрицами. В ряде женских могил савроматской культуры археологами встречены небольшие переносные алтари в виде каменных столиков на ножках. Внутри их иногда сохраняются следы нагара от некогда горевшего огня. По верованиям огнепоклонников, его свет должен был побеждать тьму и отгонять злых духов. Позже каменные алтари были заменены у сарматов на портативные глиняные курильницы. Интересно, что в мужских погребениях такие курильницы, как правило, не встречаются. Более того, у нас нет никаких данных о существовании в сарматском обществе корпорации жрецов наподобие скифских энареев.

Необычно высокий по меркам античного мира социальный статус савроматских, а позже сарматских женщин нашел отражение в античной традиции о так называемой сарматской «гинекокрации» (буквально «власти женщин»). Видимо, не обошлось и без преувеличений — греческий писатель IV в. до н.э. Псевдо-Скилак прямо назвал савроматов «женоуправляемыми» (Peripl. Eur.: 70). Позже это определение развил Николай Дамасский: «Савроматы женам своим во всем повинуются как господам» (Paradox.: Fr. 16). Сколь велика была на самом деле власть женщин у сарматов, мы не знаем. Но тот же Полиен сообщает, что сарматская царица Амага в отсутствие мужа могла «творить суд и расправу» (Strateg.: VIII. 56). О том, что сарматские женщины иногда брали бразды правления в свои руки и возглавляли целые племена, говорит устойчивая мифологическая традиция, переданная Диодором Сицилийским (II. 44—46). Поэтому, может быть, далеко не случайно, что, в отличие от могил скифских царей, наиболее богатые сарматские курганы были насыпаны над основными женскими захоронениями. Не так давно подобное женское погребение открыто на Верхнем Дону в кургане у южной окраины г. Липецка [2, с. 117—125].

Господствующий скотоводческий уклад во многом обусловил особенности не только социального строя и быта сарматов, но и их питания. Далеко не случайно Страбон (VII. 3, 2) отождествляет их с полумифическими гомеровскими *галактофагами* (буквально — «млекоедами») и *гиппемолгами* («доителями кобылиц»), названными так по

необычной, с точки зрения греков, пище. Действительно, рацион у кочевников круглый год состоял из молока, кумыса, сыра, мяса домашних и диких животных. Мясная пища сопровождала умершего сармата. В первые века н.э. в могилу обычно клали баранину — переднюю ногу вместе с лопаткой. Современник сарматов — греческий автор I в. до н.э. Николай Дамасский сообщает о их весьма нерегулярном питании: «Савроматы через каждые три дня наедаются до пресыщения» (Paradox.: Fr. 16). Однако в рацион питания кочевников почти всегда входило и некоторое количество продуктов земледелия. Отдельные сарматские племена знали не только скотоводство, но и выращивание зерновых, хотя бы в самых примитивных формах. Тот же Страбон оставил нам интереснейшее свидетельство о сарматах-сираках, занимавших степные равнины к северу от р. Кубань. По его рассказу, «они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (XI. 2, 1). Обычно кочевники выращивали самую неприхотливую культуру — просо. Об этом прямо упоминает Клавдий Элиан: «Меоты и савроматы [употребляют в пищу] просо...» (Poik. hist.: III. 39). Поэтому нас не должно удивлять имя одного из могущественных аланских королей эпохи Великого переселения народов — Эохар (буквально «просоед»).

Иногда сарматы употребляли зерно весьма необычно. Плиний Старший сообщает, что «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса. — А. М.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» (NH: XVIII. 100). Еще более варварский способ питания сарматов уложился всего в одну строку эпиграммы Марциала: «...пришел и сармат, сытый кровью коня» (Epigr.: 3, 1). Археологи иногда встречают в горшках из сарматских могил остатки пригоревшей каши и зерна злаков. Но это, скорее, исключение, чем правило. Весь облик материальной культуры сарматов, практически полное отсутствие в их погребениях орудий земледелия, свидетельствуют о том, что их основным занятием все же было кочевое скотоводство. Помимо скотоводства, любимым развлечением и промыслом кочевников в мирное время была охота. «На болотах охотятся на оленей и диких кабанов, а на равнинах — на диких ослов и серн», — сообщает Страбон (VII. 4, 8).

Однако, как и всякий степной народ, сарматы не могли обходиться лишь продуктами кочевого скотоводства и примитивного земледелия. Кочевники, особенно знать, поддерживали теснейшие торговые связи с оседлыми народами, прежде все-

го, с греческими городами Северного Причерноморья и государствами Закавказья. Античные авторы оставили нам любопытное свидетельство об одном из самых отдаленных сарматских племен Нижнего Поволжья, известном как *верхние аорсы*. Они «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (Strabo: XI. 5, 8). Правоту этого свидетельства во многом подтверждает современная археология. В сарматских погребениях волго-донских степей встречается немало украшений и изделий, в том числе ближневосточного происхождения. В последние века I тыс. до н.э. у сарматов входят в моду пряжки, украшенные изображениями двугорбых среднеазиатских верблюдов-бактрианов. В I в. н.э. в степи Юго-Восточной Европы прокладывается одно из ответвлений Великого Шелкового торгового пути. В сарматских погребениях появляются изделия китайского производства, в том числе зеркала. Одно такое зеркало, покрытое китайскими иероглифами, найдено археологами в Воронежской области в кургане на берегу р. Хопер [2, с. 30].

Наиболее тесные торговые и культурные связи сарматы поддерживали с античными городами Северного Причерноморья и Приазовья. По свидетельству Страбона, основанный боспорскими царями город Танаис быстро превратился в «общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора — с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода» (XI. 2, 3). Скорее всего, именно река Танаис была основной торговой артерией Сарматии. Однако ее функционирование во многом зависело от этнополитической обстановки в придонских степях. Тот же Страбон специально отметил судоходность этой реки далеко вверх по течению. В то же время он указал, что истоки Танаиса ему не известны в силу ряда причин: холодов, скудности страны, которую чужеземцы, в отличие от местных жителей, питающихся мясом и молоком, не могут переносить; наконец, из-за враждебности многочисленных кочевников, занимавших берега реки выше устья. По-видимому, в этом рассказе нашло отражение этно-политическая ситуация, которая сложилась в донских степях в результате миграций и переселений новых волн кочевников в последние века I тыс. до н.э. Однако по мере ста-

билизации степного мира старые торговые пути постепенно восстанавливались, и начинался активный товарообмен между варварами и античными народами. Ярким археологическим свидетельством именно такой ситуации служат многочисленные античные импортные изделия из сарматских погребений I — начала II в. н.э. Они поступали даже в верховья р. Танаис-Дон — в пределы современной Липецкой и Тульской областей (2, с. 88—90).

Античные авторы оставили немало свидетельств об исключительной воинственности сарматов. И античная традиция, и сарматская археология свидетельствуют, что война и организация населения для войны была почти повседневной чертой их жизни. По мнению римского историка Флора, сарматам было чуждо понятие о мирной жизни (Ерп.: II. 29). «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ или добычи...», — такой виделась картина жизни номадов современнику сарматов, писателю II в. н.э. Лукиану Самосатскому (Тох.: 36). Его суждение полностью подтверждается данными сарматской археологии. Бросается в глаза резкая военизация многих сторон жизни и быта кочевников, проявляющаяся в исключительной насыщенности мужских погребений оружием и деталями конского снаряжения. Антропологи, изучающие скелеты погребенных, отмечают высокую степень травматизма мужчин-сарматов, часто служившего причиной смерти, а также наличие на костях следов заживших ран. Здесь уместно вспомнить свидетельство Аммиана Марцеллина об аланах: «Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками как выродки и трусы» (XXXI. 2, 22).

Письменные источники и археология позволяют реконструировать основные черты военной организации сарматов. Ее низовыми ячейками, видимо, были отряды воинов, состоящие из родственников, а то и членов одной семьи. Такие отряды входили в состав более крупных объединений сарматов, роды которых занимали ту или иную степную область. Вместе они составляли ополчение всего племени. Наконец, во главе всех племенных объединений стояли цари, которые имели дружины, состоявшие из профессиональных конных воинов и военной аристократии [12, с. 69—71]. Судя по аналогиям из истории других кочевых народов, именно дружинники были главной опорой сарматских царей. Сарматы избирали себе вождей из са-

мых опытных воинов. Античные авторы сохранили их древнее название — *скептухи* (буквально — «скипетродержцы»). Позже аланы будут называть скептухов *алдарами*, то есть «князьями» [6, с. 279]. Правда, власть таких военных вождей даже на войне не была абсолютной, на что обратил внимание Тацит (*Ann.*: VI. 35). По его мнению, сарматские скептухи не имели над собой какой-либо верховной власти. Они самостоятельно заключали соглашения об оказании помощи: одни — иберам, другие — парфянам. Да и по свидетельству Амвросия Медиоланского, «народы сарматские не относятся к своим царям с таким почтением и преданностью, как пчелы к своей матке» (*Hexaemer.*: 21. 68).

На войне особой агрессивностью отличались отряды, состоявшие из молодых воинов. «Вот очень свирепая сарматская молодежь и вот полуживотный рев этих мужей», — писал римский поэт Валерий Флакк (*Argon.*: VI. 31). Активное участие сарматских юношей в грабительских набегах-балцах (др.-иран. «bāg» — «скакать верхом»), видимо, было молодецким обычаем, знаменовавшим их переход в возрастной класс взрослых мужчин-воинов. Любопытно, что участник такого конного похода-балца назывался *амбал* — первоначально «товарищ по походу», слово, близкое к русскому *соратник* [13, с. 11].

Как правило, такие набеги на соседей совершались зимой, когда мороз сковывал льдом реки. «На родине нам приятно воевать и грабить в снегах», — говорит язиг Гезандр, один из героев поэмы Валерия Флакка (*Argon.*: VI. 338—339). Яркое описание одного из таких набегов оставил нам Лукиан в форме рассказа скифа Токсариса: «Вдруг напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми, кроме тех, кому удалось спастись вплавь на другую сторону реки, где у нас была половина войска и часть телег; так стояли мы тогда, не знаю, вследствие какого плана наших вождей, на обоих берегах Танаиса. И вот сейчас же стали они угонять добычу, хватать пленных, грабить палатки, захватывать телеги, большая часть которых попала в их руки вместе с людьми, стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен, а мы горевали при виде этих бедствий» (*Tox.*: 39). Весьма показательное описание Тацитом набега на римскую провинцию роксаланских дружинников, которые «тащили тюки с награбленным добром» (*Hist.*: I, 79).

В то же время, читая античных авторов, их постоянные упоминания о воинственности и кровожадности сарматов, не следует забывать об очевидной субъективности таких оценок. Сарматы интересовали греков и римлян лишь тогда, когда представляли прямую военную угрозу их владычеству в той или иной области ойкумены. Эту мысль прямо выразил географ Страбон, утверждавший, что кочевники из-за варварского образа жизни не достойны сколь-нибудь серьезного внимания и за ними нужно только приглядывать (VI. 4, 8). Но, с другой стороны, тот же Страбон приводит важные свидетельства о весьма интересовавшем римлян военном потенциале сарматских племен: «Абеак, царь сираков, выставил 20 000 всадников, Спадин же, царь аорсов, даже 200 000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (XI. 5, 8). Если эти цифры принять на веру, то тогда мы имеем дело со случаем практически поголовного участия в больших войнах всех мужчин сираков и аорсов.

Как и у всех кочевых народов, основной ударной силой сарматов была конница. Именно к сарматам относится поэтическая характеристика, данная римским поэтом Овидиемномадам Подунавья в самом начале I в. н.э.: «Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой...» (*Trist.*: III. 10, 55). С этого времени образ конного сарматского или аланского воина не сходит со страниц литературных произведений до конца античной эпохи. По авторитетному свидетельству римского историка Тацита (*Hist.*: I, 79), когда сарматы появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться. В сарматском войске была и пехота, игравшая вспомогательную роль. Скорее всего, она набиралась из числа подчиненных сарматам оседлых племен.

Археология во многом дополняет и конкретизирует картину воинской культуры сарматов в первые века н.э. Археологи раскопали сотни мужских сарматских погребений, большинство из которых содержали типичный набор вооружения, обычно включавший железный меч и наконечники стрел. Как уже отмечалось, лук со стрелами находился на вооружении практически каждого сармата. Римский поэт Овидий пишет об ужасных отравленных стрелах сарматов, которые из-за яда были однозначно смертельны (*Trist.*: V. 7). Как и все кочевники, сарматы и аланы ловко владели арканами. Упоминание этого оружия встречается в описании Иосифом Флавием набега алан на Ми-

дию и Армению в 72 г. н.э. (Bell. iud.: 7. 244—251). Позднеантичный автор Гегесип добавляет, что «аланы искусны и привычны в сражении накинуть петлю и опутать врага» (Bell. iud.: 5. 50).

На вооружении сарматских воинов находились мечи разной длины. В I в. н.э. в сарматских погребениях чаще всего находят короткие мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием. Судя по местоположению в могилах, они привязывались к правому бедру воина. Поэт Овидий, постоянно видевший сарматов в греческом городе Томы, пишет: «Десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» (Trist.: V. 7). Ножны таких коротких мечей и кинжалов часто окрашивались красной или алой краской, символизировавшей кровь. Одновременно сарматами использовались и длинные кавалерийские мечи с перекрестием из бронзы или железа длиной до одного метра, а иногда и более. Скорее всего, именно такими длинными мечами роксоланы изрубили две римские когорты во время набега на провинцию Мезию в 69 г. н.э. (Tac. Hist.: I. 79). Со II в. н.э. длинный кавалерийский меч без металлического навершия и перекрестия становится основным видом рубящего оружия сарматских всадников.

Судя по многочисленным свидетельствам современников, у сарматских и аланских конников имелись длинные копья-контосы. Их длина достигала 4 м. В описании знаменитой «битвы народов» в поэме Валерия Флакка прямо упоминается «и мечущий огромное копье сармат» (Argon.: VIII. 160). Правда, сарматские копья плохо известны археологам, так как их крайне редко клали в погребения. Однако изображения конных варваров с очень длинными пиками известны в росписях боспорских склепов первых веков н.э. и на сосудах из аристократических сарматских погребений (например, в Косике).

По описаниям античных авторов и изображениям знатные сарматы имели защитные доспехи. Страбон упоминает шлемы и панцири роксоланов из сыромятной бычьей кожи (VII. 3, 17). Но уже Тацит, служивший в северных провинциях Римской Империи, знает тяжелые панцири, которые были у сарматских всадников: «Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может» (Hist.: I. 79).

Вооруженные тяжелыми копьями-контосами и длинными железными мечами, закованные в броню, сарматские всадники составляли отряды тяжелой конницы, так называемых *катафрактов*. Именно они представляли главную ударную силу сарматского войска. Античные авторы отмечали их особый воинский дух, стремление к воинскому подвигу, чем-то напоминающее настрой средневековых рыцарей: «Они все подстрекают друг друга не допускать в битве метания стрел, а стремятся предупредить врага смелым натиском и вступить в рукопашную», — свидетельствует Тацит. Однако археологам из защитного сарматского вооружения известны лишь серийные находки бронзовых римских шлемов, которые встречались в сарматских захоронениях. Исключение составляют только погребения «Золотого кладбища» на Кубани, где обнаружены остатки пластинчатого и кольчатого доспеха. По свидетельству того же Тацита (Hist.: I. 79) и других авторов, сарматы не пользовались щитами, правда, Страбон упоминает некие плетеные из прутьев щиты роксоланов (VII. 3. 17). Отдельные сарматские отряды имели знамена, которые зачастую являли собой раздувающихся на ветру страшных драконов.

Сигналом к бою у сарматов служили воинственные крики, напоминавшие римлянам рев диких зверей. По свидетельству Аммиана Марцелина (XIX. 11. 10), дунайские сарматы-лимиганты перед атакой издавали страшный клич «Марха!» — по-осетински означающий буквально «Убивайте!». При наступлении сарматы и аланы применяли обычную тактику кочевников, засыпая врага тучей стрел и атакая лавой. Часто сарматы и аланы использовали прием, который назывался «ложным отступлением». Со временем оно стало обычной тактикой степной кавалерии. Ее вынуждены были учитывать и римляне. Известно, что Флавий Арриан, бывший римским наместником провинции Каппадокия, сражался с аланами. Впоследствии он написал специальное наставление по тактике «Диспозиция против алан». В нем утверждается, что «римская конница держит свои копья и бьет врага на тот же манер, что и аланы и савроматы» (то есть сарматы. — *А. М.*). Тактику сарматов отличало стремление поскорее навязать врагу рукопашный бой, что находит подтверждение в наборе их вооружения, где преобладали мечи. Разгром врага обычно завершался полным окружением с флангов и уничтожением.

Как и другие народы «героического века», сарматы и аланы, служа богу войны, считали за счастье

погибнуть в бою с оружием в руках. По свидетельству Аммиана Марцеллина, аланы снимали с врагов скальпы и вешали их на сбрую своих лошадей (XXXI. 2, 22). Античные авторы отмечали у сарматов и алан скифский обычай поклонения старинному, воткнутому в землю мечу, который у них почитался в качестве кумира, бога войны. Ритуал сводился к обильному поливанию («кормлению») этого меча кровью побежденного врага. Отголоски поклонения богу войны в образе меча мы встречаем в осетинском эпосе о нартах; одного из главных героев — Батраза по аналогии с мечом называют «булатным» [14, с. 255—257].

По свидетельству Аммиана Марцеллина, у алан не было ни специальных жертвенников, ни храмов, но были предсказатели: «Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается» (XXXI. 2, 24). Этот способ гадания сохранился у потомков аланов — осетин до этнографической современности. Осетинский этнограф конца XIX в. С. В. Кокиев писал: «У каждого из знахарей есть четыре небольшие палочки, с одного конца расщепленные, посредством их-то они открывают смысл происходящего» [15, с. 51].

Имеются прямые свидетельства существования у сарматов культа домашнего очага. «Если кто из врагов прибегнет к огню на очаге савроматов и замазает лицо угольями, то уже не обижают его как домочадца», — утверждал в I в. Исигон Никейский (De reb. mirabil.: L).

У сарматов и алан был весьма развит культ предков. «Каждый из них вместо богов почитает своих предков», — писал о современниках-аланах римский поэт Клавдий Марий Виктор (Aleth.: 3. 193). В степи над могилой умершего сармата насыпали курган. На тот свет его сопровождали многие вещи, которыми он пользовался при жизни, причем наиболее ценные дары часто хоронили в специальных тайниках. Покойному оставляли мясную пищу и напитки — скорее всего, что-то вроде кумыса. После похорон кочевники регулярно совершали поминальные ритуалы. Магический смысл посмертного «кормления» и «поения» родича состоял прежде всего в том, что древние искренне верили в способность предков влиять на изобилие живых потомков. Здесь уместно вспомнить, что даже много веков спустя, худшим оскорблением для осетина было сказать ему, что его предки голодают.

Греческие и римские авторы донесли до нас некоторые свидетельства о других, кажущихся, на первый взгляд, странными, обычаях сарматов. Один из самых ярких — искусственная деформация головы. По словам греческого философа-софиста Зенобия (Ер.: V. 25), «сираки дают диадему самому высокому, а как говорят некоторые, — имеющему самую длинную голову». Искусственная деформация черепа происходила в результате накладывания на голову грудного ребенка особой тугой повязки (впервые данный обычай описал греческий врач Гиппократ). В результате этого череп вытягивался и сильно разрастался вверх. Некоторые исследователи допускают, что такая деформация оказывала определенное влияние на психику сарматов, в частности, делала характер человека более вспыльчивым и агрессивным. Традиция искусственной деформации черепа была распространена у многих сарматских племен Поволжья, Подонья, Северного Причерноморья. Наиболее характерна она для поздних сарматов II—IV вв. [16, с. 107—122]. Можно себе представить, какое впечатление производили на греков и римлян эти страшные длинноголовые люди. По свидетельствам Плиния Старшего (XXII. 2), а позже Клавдия Элиана и Секста Эмпирика, сарматы покрывали свое тело татуировкой. Этот древний обычай находит подтверждение в археологических материалах из могильников ранних кочевников восточных районов Азии, в частности, из «ледяных» курганов Алтая.

К рубежу н.э. у сарматов появляется своеобразная знаковая система — так называемые *тамги*. Ими они помечали самые различные вещи, чаще всего зеркала, ими же клеймили своих коней [17]. Сарматские тамги могли служить знаками личной собственности, но не менее вероятно и их магическое назначение. Свои династические и личные знаки имели цари сарматов. Например, их чеканили на серебряных монетах Фарзоя и Ининсмея — сарматских царей, которые властвовали в степях Северо-Западного Причерноморья. Однако царские тамги того же Фарзоя археологи находят за сотни километров от его владений, в том числе на Среднем Дону [2, с. 47—48, рис. 50].

Когда мы знакомимся со свидетельствами античных авторов о язигах, сираках, аорсах, роксоланах, аланах и других ранних кочевниках, не следует забывать, что за каждым из этих названий уже скрывалось не отдельное племя как таковое, а более крупное этно-политическое объединение, возглавляемое этим племенем. На данное обстоятельство впервые указал Аммиан Марцеллин при

описании общественного строя алан. Он обратил внимание на то, что аланы раздроблены на множество племен, которые с течением времени объединились под одним именем и все зовутся теперь аланами «вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения» (XXXI. 2, 17). Однако задолго до алан одно из первых степных объединений возглавил царь сарматов Гатал, упомянутый греческим историком Полибием среди европейских властителей — гарантов мирного договора 180/179 гг. до н.э. между царем Фарнаком Понтийским и Эвменом Пергамским (Hist.: XXV. 2, 12). Некоторые из таких кочевнических образований позже, вероятно, могли достичь стадии ранней государственности. Об этом свидетельствует специальная титулатура «цари многочисленных народов» или «великие цари», к которым, судя по недавно найденной на Мангупе (Крым) надписи, относился, например, правитель аорсов Умабий. Нумизматам хорошо известны имена царей Фарзоя и Ининфимея, чеканивших в Ольвии свои монеты. В одной более поздней латинской надписи упоминается Публий Элий Распараган — «царь роксоланов», в другой надписи он называется просто «царем сарматов». По свидетельству Тацита, сарматские цари, например правитель аорсов Эвмон, имели «царские резиденции» (Ann.: XII. 18), которые до сих пор, к сожалению, не обнаружены, может быть, потому, что представляли собой обычный для степных владык род шатра. Зато археологи открыли несколько могил сарматских царей и цариц, содержащих тысячи золотых и серебряных предметов.

Если в годы завоевания Скифии ранние сарматы, вероятно, представляли единый «народ-войско», скрепленное узами «военной демократии», то в последующие времена сарматское общество не было уже столь однородным. В первые века н.э. сарматская знать явно имела свою аристократическую субкультуру, во многом уже отличавшуюся от культуры большинства рядовых соплеменников. Наиболее ярким, бросающимся в глаза ее элементом было искусство сарматского полихромного звериного стиля [18]. Наличие аристократической субкультуры явно свидетельствует о далеко зашедшей социальной стратификации сарматского общества.

В сарматском обществе были рабы, называвшиеся на сарматском языке «*čagar*» (6, с. 285), но вряд ли они составляли особое сословие. В этом смысле весьма показательна, что в осетинском языке слово «*wacajrag*» — «раб» являлось произ-

водным от слова *wasar* — «базар», т.е. рабы были лишь товаром в обмене с окружающим их миром [13]; это подтверждает и цитированное выше свидетельство Страбона о торжище в Танаисе.

Для понимания специфики социально-политического устройства кочевнических обществ первых веков н.э. важное значение имеет упоминание Страбона и Птолемеем «царских сарматов». Скорее всего, речь здесь идет о тех сарматских племенах, которые силой оружия сумели подчинить себе другие степные народы и на какое-то время добились статуса господствующего «царского» племени. Именно они создавали под своей эгидой раннегосударственные степные образования, основанные на эксплуатации воинственными номадами покоренных народов. При описании осады римлянами столицы сираков, города Успы, Тацит оставил интересное свидетельство — осажденные предлагали римлянам выдать десять тысяч рабов, если те пощадят «граждан свободного состояния» (Ann.: XII. 17), т.е. самих сираков. Аммиан Марцеллин (XVII. 12, 17—20) подробно описал войну 358 г. на Дунае свободных сарматов-ардарагантов (ср. осет. '*aeldar*' — букв. «рукодержец» = сарматский эквивалент термина «царский») с их восставшими рабами — сарматами-лимигантами (ср. осет. *liman* — «друг», «союзник»). Последние, видимо, вели полуоседлый образ жизни, так как имели хижины. Весьма показательна, что «князьям»-ардарагантам удалось восстановить свое владычество над зависимыми лимигантами лишь при помощи римских легионов.

Безусловно, в определенной зависимости от кочевников-сарматов находились некоторые оседлые, в частности лесостепные, народы. По данным археологии, такая ситуация реконструируется в глубинных районах донской лесостепи, где рядом с городищами оседлого населения с I в. н.э. появляются курганные могильники сарматов, маркирующие их зимники. Здесь недавно обнаружены надежные следы пребывания сарматов на городищах и в их окрестностях, где они вступали в тесные контакты с оседлыми обитателями городищ [2, с. 64—81]. Но нигде мы не имеем собственно сарматских поселений, свидетельствующих об их оседлости. В случае оседания на землю кочевники утрачивали свои важнейшие этнографические черты и, рано или поздно, переставали быть сарматами. Поэтому материальная культура их потомков, смешавшихся с коренным населением лесостепи, весьма существенно отличалась от «курганной» культуры степных сарматов, для которых

традиционное кочевое скотоводство продолжало оставаться основным занятием.

Сарматы и аланы внесли немалый вклад в культуру и этногенез народов нашей страны. Скорее всего, именно сарматам мы обязаны современными названиями главных восточноевропейских рек — Дона, Днепра, Днестра, в которых сохранилась древняя иранская основа *dānu* со значением «вода», «река». На Северном Кавказе далекие потомки сармато-аланских племен — осетины — живут и поныне. Далеко не случайно они не так давно переименовали свою республику в Осетию-Аланию. Языковое и фольклорное наследие осетин продолжает древнюю скифо-сарматскую традицию, хотя и с весьма существенными кавказскими заимствованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия / А. С. Скрипкин. — Саратов, 1990.
2. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. — М., 2008.
3. Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России / М. И. Ростовцев. — Пг., 1918.
4. Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры / М. Г. Мошкова. — М., 1974.
5. Скрипкин А. С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур / А. С. Скрипкин // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. — Волгоград, 2006.
6. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия / В. И. Абаев // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. — М., 1979.
7. Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. — М., 1988.
8. Витчак К. Т. Скифский язык: вопросы описания / К. Т. Витчак // ВЯ. — 1992. — № 5.
9. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. — М., 2003.
10. Skvorcov N. B. Eine sarmatische Adelbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet / N. B. Skvorcov, A. S. Skripkin // EA. — № 12.
11. Яценко С. А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху / С. А. Яценко // КСИА. — 1986. — № 186.
12. Нефедкин А. К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов II в. до н.э. — V в. н.э. / А. К. Нефедкин. — СПб., 2004.
13. Гутнов Ф. Х. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе / Ф. Х. Гутнов // Вестник института цивилизаций. — Владикавказ, 2000. — Вып. 3.
14. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. — М., 1976.
15. Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды / Б. А. Калоев. — М., 1999.
16. Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения / М. А. Балабанова // НАВ. — 2001. — № 4.
17. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья / С. А. Яценко. — М., 2001.
18. Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль / В. И. Мордвинцева. — Симферополь, 2003.

Список принятых сокращений

- ВЯ — Вопросы языкознания
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР
НАВ — Нижневолжский археологический вестник
ЕА — Eurasia antiqua
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum

Воронежский государственный университет
Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира
E-mail: APM1950@yandex.ru
Тел.: (4732) 39-29-35

Voronezh State University
Medvedev A. P., Doctor of Historical Science, Head of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: APM1950@yandex.ru
Tel.: (4732) 39-29-35